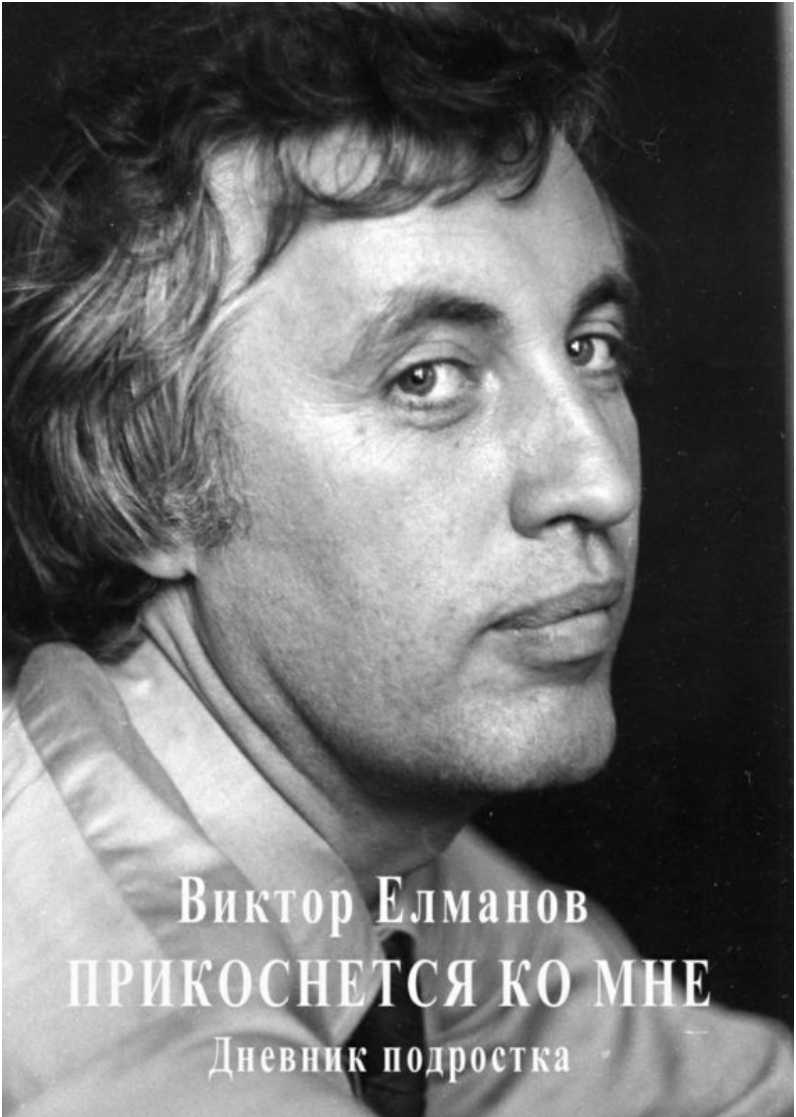

Виктор Елманов

ПРИКОСНЕТСЯ КО МНЕ

Дневник подростка

Виктор Елманов
Прикоснется ко мне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11285008
ISBN 978-5-4474-1656-0

Аннотация

«… она стояла на остановке с двумя детьми. Рядом ее муж. Мы с ней посмотрели друг другу в глаза. Неужели она меня любила, любит и будет любить всегда, как и я ее?..»

Содержание

I 5
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Прикоснется ко мне
Дневник подростка
Виктор Елманов

Не хватает Лирики,
Лирики!
Не хватает Музыки,
Музыки!

© Виктор Елманов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

I

Сдали последний экзамен. Собрали между собой по 3 р., чтобы отметить это событие на квартире у Белаховой (у нее родители уехали в отпуск). Собрались в семь часов. Молодцы девчонки, приготовили отлично! Даже свежих помидор достали… Пили вино. Наташка обиделась на Ковалева, что его нет, и сидела у меня на коленях. Когда он пришел, она – к нему. Я назло ей стал танцевать со Светкой Постниковой. Прижал ее к себе. Три часа танцевали. Выключили свет. Танцевали в прихожей. Белахова напилась, упала, как труп, в спальне и уснула. Генка подбивал меня сходить к ней, но я не пошел, танцевал со Светкой. А Генка сходил. Смотрю, вышел какой-то взлохмаченный. Что у них было? Он не рассказывает, значит, Белахова вкатила ему по физиономии… Я поцеловал Светку в щеку. Щека холодная, как заледеневшая. Неприятный поцелуй… В три часа ночи разошлись. Я пошел со Светкой (она живет рядом со мной). Дошли до ее дома. Остановились, постояли. Я потянул Светку к себе: «Идем, у меня в сарае посидим». Она оттолкнула меня (но так слабо): «Нет! Нет!» Пошла домой. Я к себе в сарай, спать… Завтра будут вручать свидетельства об окончании 8 кл.

Видел Светку Постникову. Сидит в одном купальнике на качелях в огороде и качается. Меня как будто не замечает, а

сама потягивается, как пантера. Я даже и глазом не моргнул. не нравится мне Светка!

Ходил в парк, встретил Наташку. Сели на лавочку, стали разговаривать. Подошла Светка. Попросила меня проводить ее до дома. Я все увиливал, чтобы остаться с Наташкой, Светка убежала в слезах. Пошел провожать Наташку. Выходим из парка, навстречу Ковалев. Наташка к нему, а я – с носом! Все, этого Наташке я не прощу! Кошка блудливая!.. А Светка не простит мне. Ну и черт с ними!

Смотрел итальянский фильм про любовь. Понравилось!

Смотрел второй раз этот же фильм. Еще больше понравилось!

Смотрел третий раз! Актриса – красавица необыкновенная. Наташка перед ней просто ничто!

До сих пор в ушах эта мелодия на мандолине из фильма. Подобрал ее на гитаре, играю через каждые полчаса и и вспоминаю фильм. Ах, как хорошо!

Набрал в библиотеке книжек. Решил почитать классиков и понять: почему так упорно заставляли изучать их в школе?.. Взял Тургенева, Куприна, Проспера Мериме и еще ро-

ман о Тристане и Изольде (очень уж заинтриговали картинки в этой книге). С этого романа и начнем.

Жара. Весь день сидел в сарае и читал роман о Тристане и Изольде. Очень волновался. Вот понравившееся место:

«Она положила руку на плечо Тристана: слезы затуманили лучи ее глаз, губы задрожали.

Он повторил:

– Милая, что терзает тебя?

Она отвечала:

– Любовь к тебе.

Тогда он коснулся устами ее уст…»

Какая любовь!.. А вот это место не совсем понял:

«Несчастные, остановитесь и, если возможно, вернитесь к прежнему!

Но нет это путь без возврата! Сила любви уже влечет вас, и никогда более не будет вам радости без горя; вами овладело вино, настоянное на травах, любовный напиток».

Любовь – это радость и горе? Почему? Должна же быть только радость!

И вот понравилось место:

«Любящие обнялись; в их прекрасных телах трепетало любовное желание и сила жизни.

Тристан сказал:

– Пусть же придет смерть!

И когда вечерний сумрак окутал корабль, быстро несу-

щийся к земле короля Марка, они, связанные навеки, отдались любви».

Плакал, когда читал последние страницы романа. Тристан так и не увидел Изольду перед смертью!.. Взял гитару и хотел сочинить что-нибудь на эту тему. Ничего не получилось.

С каждым днем все жарче и жарче. Никуда не хожу, читаю целыми днями и ночами. Прочитал только что повесть Тургенева «Ася». Ах, как написано! Так разволновала меня эта вещь, что до сих не могу уснуть. Нет, не удержусь, выпишу понравившееся место!

«Она медленно подняла на меня свои глаза… О, взгляд женщины, которая полюбила, – кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались… Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к ее руке.

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист, дрожавшей руки. Я поднял голову и увидел ее лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушел куда-то далеко и увлек меня за собой, губы слегка раскрылись, лоб побледнел, как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл все, я потянул ее к себе – покорно повиновалась ее рука, все ее тело повлеклось вслед за рукою, шаль покатилась с плеч, и голова ее тихо легла на мою грудь, легла под мои

загоревшиеся губы…

– Ваша… – прошептала она едва слышно».

Сейчас три часа ночи. Вышел из сарая. Светлеет уже. Небо серое какое-то, звезды бледные. Опять будет пекло весь день.

Жара! Мухи на лету дохнут!.. Хорошо, что в сарае земляной пол – от него хоть какая-то прохлада. Выглянешь на улицу – никого! Как вымерло все!.. Прочитал повесть Куприна «Поединок». Весь вечер ходил, словно оглушенный! И хорошо, и как-то печально… Пошел погулять в парк. И не шел, а словно плыл в вечерних сумерках.

Сильная жара. Кажется, что солнечные лучи, как длинные, раскаленные стрелы впились в землю и стоят не шелохнувшись. Солнце светит так ярко, что невозможно смотреть: глаза режет, как от электросварки… Дикарь забился в конуру, видна только его разинутая пасть, вывалившийся розоватый язык, да слышится, как он тяжело дышит: хы-хы, хы-хы, хы-хы. Рядом с его конурой пустая алюминиевая чашка. Кажется, брызнешь на нее водой и вода зашипит…

Прочитал только что новеллу Проспера Мериме «Кармен». Ужасная история! Хосе, который так любил Кармен, сам же ее убивает. Очень меня потрясло это место:

«Я ударил ее два раза. Это был нож Кривого, который я

взял себе, сломав свой. После второго удара она упала, не крикнув. Я как сейчас вижу ее большой черный глаз, уставившийся на меня: потом он помутнел и закрылся».

Эпиграф к этой новелле такой:

«Всякая женщина – зло; но дважды бывает хорошей:

Или на ложе любви или на смертном одре».

Паллад (греч.)

К теть Тосе приехали родственники (две женщины) из Мурманска. Одна постарше (полная), другая помоложе (худая).

Ходил в парк. Видел Наташку с Ковалевым. Смотрел на нее с полными безразличием. А ведь две недели назад готов был стоять перед ней на коленях.

Светки Постниковой не видно. Уехала отдыхать, наверное.

Родственники теть Тоси с утра загорают в огороде.

И сегодня загорают. Красные, как раки.

Опять загорают. В такой-то жаре!.. Вышла теть Тося, посмотрела на них, покачала головой, потом набрала из колодца ведро воды и окатила их… Они начали визжать, гоняться

за ней, грозить, что утопят ее в колодце. Та, что помоложе, ничего, стройная. Расстегнет лифчик, повернется на живот и загорает. На одно мгновенье видел ее обнаженные груди. Красиво!..

Днем уснул. Проснулся к вечеру. Голова чугунная, спеклась. Умывался, умывался, чтобы как-то прохладится. Умывался, как иногда батя с похмелья…

В парке встретил Генку. Вместе гуляли…

Какое ночью черное небо! Бездонная пропасть!.. Люблю смотреть на звездное небо и слушать ночные шорохи.

Вчера ночью только погасил свет в сарае, слышу у соседей скрипнула дверь и кто-то вышел на улицу. Я притаился.

– Ну, все. Уходи, – послышался женский голос.

– Ухожу, – ответил мужской.

Потом женский голос что-то начал шептать, какой-то сладкий стон. Опять скрипнула дверь (видно, женщина ушла в дом) … Мужчина чиркнул спичкой, затянулся несколько раз и пошел со двора.

Провалялся часа два, не мог уснуть. Ах, как бы я поцеловал эту женщину! Прижал ее к себе!..

Сегодня опять жара. Сидел в сарае, бренчал на гитаре и

смотрел в щелку, как загорают соседкины гости из Мурманска. Наверно, та, что помоложе, и выходила вчера ночью. Вроде бы ее голос. «Кадрует», – как бы сказал Генка…

Жарко, Дует раскаленный ветер…

Уехать бы в родную деревню! Лес. Речка… Помню один вечер в деревне. Солнце село. В лощинах сразу темно, как будто упал черный туман. Воздух не шелохнется. Пыль от прошедшего стада коров долго стоит в воздухе золотым облакам. Засветились первые звезды. Затянули свое бесконечное «трю-трюи, трю-трюи» сверчки, как-то резко заквакали лягушки… О, родные места! Сколько о вас воспоминаний. Вот школа. Двухэтажная, старая с резными деревянными наличниками на окнах, с резными потрескавшимися ставнями, с флюгером, который давно не вертится, с наполовину заброшенным садом вокруг школы. Все здесь дорого: и маленькая улочка от школы, и конюшня напротив, и деревянный дом с заколоченными окнами, в котором мы играли в войну и эмтеэсовские мастерские… Вон, под горой, аллея. По обе стороны ее огромные березы. А там, в конце аллеи, озеро, которое я, пересилив страх, все же переплыл однажды… Многое вспоминается! Здесь прошло детство. Игры, купание, собирание черемухи и колокольчиков, ожидание зимы после дождливой осени, весны и лета после холодной зимы… Радостно и грустно от этих воспоминаний.

Лежал в сарае и фантазировал о путешествиях, о любви, о славе.

Сегодня вечером собрались у нас Генка, Толька, Колька, Лева, Витька. Решили ночью пошухарить, полазить по колодцам (на ночь многие опускают в колодцы сметану, молоко и т. д.). Залезли сначала к Постниковым. В ведре ничего, кроме банки с молоком. Молоко выпили, банку выбросили, а в ведро положили кирпич и опустили опять в колодец… У Хорьковых нас чуть не застукали. Во рвали от них! Колька потерял даже тапочек. Пошел домой… А мы залезли в овощной ларек на базарчике. Налопались маринованных яблок, аж животы у всех разболелись. Страшно было, когда лезли в ларек. Если бы нас поймали – тюрьма всем. Как представлю сейчас… У Левы брат два года отсидел. Такое рассказывал, ужас!.. Хотели по дороге с базарчика утащить у Хлони курицу и сварить ее. Вот дураки! Хорошо, что не стали… Пришел домой под утро, когда уже совсем рассвело. Лег, сразу уснул.

Генка похвастал мне, что ходил к Карамуровой Аньке (она старше его на 10 лет). Я не поверил. Поспорили. Вечером пошли к дому, где она живет. Карамурова Анька работает на хлебозаводе, снабжает по дешевке всех соседей, в том числе и нас, белым хлебом. Анька такая медлительная, кожа на руках белая, гладкая, как будто она их каждый день молоком моет, глаза все время как в тумане каком-то. Живет

Анька одна. «Сейчас зайду, – говорит Генка, – свет зажгется. Через пять минут свет вырубится, и, значит, я остался у нее». Действительно, пошел он к дому, постучал, у Аньки зажегся свет, а потом погас. Генки не видно. Значит, не соврал… Ах, шустрый какой!.. Как же она? Ведь Генка совсем пацан!.. Ну и Анька!..

Жара.

Жара и скука. Даже читать не хочется.

Весь день жара. Выучил на гитаре два этюда Джулиани.

Брехло, однако, Генка. Ну, и брехло! Он, оказывается и не входил к Аньке. Стучал в дверь, а потом незаметно смывался. Она включала свет, спрашивала, кто стучит, никто не отвечал, Анька выключала свет, и все… Ну, брехло! Его Лева застукал. Генка пошел к дому Аньки, а Лева крался сзади и все видел.

Жара. Соседкины гости из Мурманска уехали сегодня. Какой-то кряжистый мужичок провожал их. Уж не тот ли, что был тогда ночью? Что она в нем нашла?

Жара. Весь день играли с Генкой в карты. Кто оставался в дураках, лаял на лампочку. Иногда к лаявшему присоеди-

нялся и Дикарь.

Генка затащил меня с гитарой к себе домой и сказал, что к нему сейчас придут две девчонки, с которыми он недавно познакомился. Звонок. Генка побежал открывать дверь. Вошли две. Господи! Где он их откопал!

Сидим, молчим. Генка сует мне гитару.

– Володь, поиграй…

Делать нечего. Беру гитару, начинаю нехотя перебирать струны.

– Что же вам спеть? – спрашиваю у девчонок.

Они в один голос:

– Да что знаете!

Начал петь цыганскую песню:

– Ехал цыган на седле… то есть на коне верхом, видит, девушка идет с ведром…

Юмора не оценили, слушают. Одна начала зевать:

– А что-нибудь современное знаешь?

Я бросаю играть на гитаре и говорю:

– Давайте лучше анекдоты рассказывать… Едут в поезде, на

верхней полке, два карлика…

– Это мы знаем! – перебивают они меня.

Генка чешет затылок, вспоминает анекдоты.

– А вот этот не знаете, – не сдаюсь я. – Муж вернулся из командировки, стучит в дверь. А у жены любовник. Что

делать? Она кричит любовнику: «Прыгай в окно, а то муж убьет!» Любовник разбегается и в окно. Шмяк об асфальт – и в лепешку. А она выбегает на балкон и кричит: «В кусты, в кусты отползай! В кусты!»

Генке анекдот понравился. Смеется. Девчонки сидят, как горем убитые – никакой реакции.

– Может, чайку попьем! – засуетился Генка.

– Не надо, – отказываются девчонки.

Опять сидим и молчим. А Генка! Где не надо – слишком шустрый, а тут как младенец.

– У вас магнитофон есть? – спрашивает одна.

– Нет, – с горечью отвечает Генка. – Но скоро будет!

– И проигрывателя нет? – спрашивает вторая.

– Сломан.

Сидим молчим. Генка достал сигареты, закурил. Я на него глаза вытаращил: мать увидит – убьет!

– Как это люди курят! – промямлила одна.

Генка обрадовался:

– Воздух в себя – говоришь: «Па-па», из себя: «Ма-ма».

– А ну, дай попробую, – говорит вторая. Берет сигарету, прикуривает. Сначала вроде бы закашляла, а потом курит – и ничего. Подруга тоже не отстает. Я моргаю Генке: «Во дают!»

Неожиданно входит генкина мать. Девчонки сразу чесанули. Я – боком, боком. Одному Генке пришлось за всех расплачиваться. Врезала ему мамаша.

Сегодня вечером, когда я собирался в парк, позвал батя.

– Вот что. Надо тебе определяться. Восемь классов закончил – и хватит. Специальность надо получать. Завтра поедем устраиваться в училище.

– Какое училище? – у меня аж сердце заныло.

– В строительное. На сварщика. Специальность хорошая. Зарплата.

– Я же хотел в музыкальное.

– Музыкальное? Насмотрелся я на Сахалине на этих музыкантов.

Голодные, холодные, ни угла, ни семьи… Не хочешь на сварщика, давай на электрика.

Спасибо, мама заступилась.

– Да пусть идет в музыкальное. Что к душе, пусть тому и учится.

Начали спорить. Спорили, спорили. Потом батя махнул рукой.

– Как хочет! Петух жареный клюнет в одно место, вспомнит мои слова!

Завтра поеду узнавать об условиях приема в музыкальное.

Волнуюсь. Хорошо бы поступить, а! Выучусь, стану гитаристом, буду ездить по городам, выступать, стану знаменитым. Приеду в наш город, приглашу на концерт батю и маму. После концерта спрошу у бати: «Ну, что? Голодный я, холодный?..»

Сегодня ездил в музыкальное училище. Подошел к нему, постоял. Из распахнутых окон слышна музыка. В училище то и дело входят и выходят ребята и девушки. Кто с нотами, кто с инструментом… Услышит комиссия, как я бренчу на на гитаре, и все засмеются. Нет, видно, не суждено! Повернулся и поехал домой. Вечером сказал бате, что прием закончен, опоздал. Батя обрадовался.

– Значит в строительное, на сварщика!

Я ему назло:

– Нет, хочу на электрика.

Он:

– Давай на электрика. Сначала надо получить нормальною специальность. А будет талант, у них в училище самодеятельность хорошая, проявишь себя. И специальность получишь, и музыку не бросишь.

Ходил в парк, походил по аллеям, был у танцплощадки. Всегда к ночи меня охватывает чувство ожидания чего-то. Не то должна зазвучать какая-то мелодия, не то еще что-то необычайное произойти.

Незаметно прошел июль, большая половина августа. До начала занятий осталась неделя с хвостиком. Вчера днем проходил мимо школы. Красятся парадные двери, белятся бордюрчики в палисаднике. А я вот уже не буду учится в ней. Немного грустно…

Опять вечером это странное чувство ожидания чего-то.

Генка тоже сдал документы в строительное. Только мы будем учится в разных группа: он – в пятой, а я – в шестой… Вчера, перед тем как пойти в парк, мы зашли к Генке домой и выпили по стакану вина. Оно пахло горелыми сухофруктами. Пошли в парк. Зашли на танцплощадку. Танцевали. После танцев подцепили двух девчонок, что тогда были у Генки и пошли провожать их. Генка пошел с одной, я с другой. Довел ее до дома, где она живет, а там чужие ребята стоят. Думал, навешают мне. Все обошлось. Правда, смотрели на меня враждебно, а один пацан подошел и сказал, чтобы я больше эту девчонку не провожал…

Такая гадость это вино! До сих пор во рту ощущение, как будто я объелся горелых сухофруктов. Генка называл это вино «чернила». Это не чернила, а карбофос какой-то!

Сегодня последний день лета, последний день каникул. Завтра в училище. Как-то там будет?..

Вернулся из парка и опять смотрел на звезды, на луну, прислушивался к ночным звукам. Сначала где-то далеко раздался женский смех… от дуновения ветерка пролепетали листья на тополе… громыхнул цепью и жалобно проскулил Дикарь. И все. Тишина…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.